

Влияние морской силы на историю

Фундаментальный труд знаменитого американского историка контр-адмирала Альфреда Тайера Мэхэна принес автору мировую известность и стал библией для поклонников теории морского могущества.

Сформулированная в нем концепция морской силы сыграла огромную роль в развитии теории военно-морского искусства и до сих пор продолжает оказывать влияние на выработку военных и геополитических доктрин ведущих морских держав мира. Книга будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.

Альфред Мэхэн

ВЛИЯНИЕ МОРСКОЙ СИЛЫ НА ИСТОРИЮ

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 355/359
М 97

Мэхэн Альфред

М 97 Влияние морской силы на историю / Альфред Мэхэн. — Киев: Изд. дом «СВАРОГ», 2023. — 674 с.

ISBN 978-966-370-743-3

Фундаментальный труд знаменитого американского историка контр-адмирала Алфреда Тайера Мэхэна принес автору мировую известность и стал библией для поклонников теории морского могущества.

Сформулированная в нем концепция морской силы сыграла огромную роль в развитии теории военно-морского искусства и до сих пор продолжает оказывать влияние на выработку военных и геополитических доктрин ведущих морских держав мира. Книга будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.

ISBN 978-966-370-743-3

УДК 355/359

© Издательский дом «Сварог», 2023.

ПРЕДИСЛОВИЕ НИКОЛАЯ СТАРИКОВА. ЭТА КНИГА ПОМОЖЕТ ВАМ ПОНЯТЬ СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИКУ

Уверен, что вы неоднократно слышали термин «геополитика». А теперь сможете точно понять, что это такое. У вас в руках книга одного из основоположников геополитики, американского адмирала Альфреда Тайера Мэхэна. Он жил в конце XIX века и внес колоссальный вклад в дело формирования геополитических взглядов англосаксонского мира. То есть взгляды тех, кто сегодня доминирует на планете. Книга Мэхэна «Влияние морской силы на историю 1660–1783» впервые вышла в свет в 1889 году и рассказывает о том, какие правильные, по мысли автора, шаги совершали англичане на протяжении двух столетий, чтобы отодвинуть от морской торговли, а значит и от власти над миром, другие государства.

Основа мирового могущества – флот. Вот главный постулат книги адмирала США, на протяжении длительного времени исповедуемый англосаксами. Сегодняшние продолжатели дела Мэхэна в узком кругу выражаются еще циничнее: «Лучший способ уничтожить флот противника – это не дать его построить». Ну как тут не вспомнить авианосную серию позднего СССР, которая так и не была введена в строй, за исключением одного корабля, и вся пошла на металлолом или была продана в третьи страны. То же самое произошло с флотом в 1917 году. Первое, что делают при приходе к власти прозападные силы, – уничтожают флот и свертывают программы его строительства.

Весьма симптоматично, что первое издание книги Мэхэна вышло в СССР при Сталине в 1941 году. Именно его мы и взяли для переиздания данной книги. Следующий раз этот важнейший труд издали уже при Ельцине. Однако простое прочтение произведения не дает гарантии его правильного осознания и применения. Германский император Вильгельм II, который погубил свою страну, ввязавшись в Первую мировую войну, активно изучал Мэхэна. Накануне своих роковых решений в 1914 году он писал: «Я сейчас не только читаю, но пожираю книгу капитана Мэхэна и стараюсь выучить ее наизусть». Читал, но, судя по итогу его деятельности, так ничего в ней и не понял. Как каждый образованный человек должен освоить определенный перечень классической литературы, так и тот, кто интересуется политикой, и уж тем более занимается ей, должен прочитать труда адмирала Мэхэна. Ведь морская мощь и сегодня играет ведущую роль в мире. Флот США и Великобритании ходит по всему мировому океану, контролирует торговые пути и может, подойдя к берегу на нужное расстояние, нанести удар ракетами или самолетами по любой стране мира. При этом резко сокращая угрозу собственной стране именно с помощью своего флота.

Вот лишь несколько постулатов, которые высказал Мэхэн и которые прошли проверку временем:

- Море не барьер, а дорога. Море не изолирует, а создает возможности для атаки и торговли.
- Контроль над морем решает судьбы владения миром. Кто контролирует море, тот в итоге доминирует в долгосрочной перспективе в мире.
- Морская мощь – путь к владению морем. Пользоваться морем самому и не давать это делать соперникам. Для этого нужен сильный флот – военный и торговый.
- По Мэхэну, «морская сила» состоит в свободе пользования морем и воспрещении пользования им для противника.

Обе задачи обеспечиваются сильным флотом – в первую очередь военным, но также и торговым.

- Основа морской мощи – на суше. Колонии, базы, стратегически важные территории – всё это надо контролировать и не отдавать контроль над ними противникам.

Зачем США так активно «защищают» Прибалтику, приняв ее в НАТО?

Почему они никогда не примут в НАТО Украину?

Почему Запад не может согласиться с победой шиитов в Йемене?

Это лишь три вопроса из современной повестки дня, ответ на которые становится очевиден, если ознакомиться с «правилами игры». Книга Мэхэна – это свод правил, играя по которым англосаксы подмяли под себя мир.

Но их доминирование – не навсегда. Оно на время. А России нужен мощный флот, без него нам сложно, как это ни странно, обезопасить свою сухопутную территорию от нападения. Во времена Советского Союза никому и в голову не приходило посягать на нашу целостность. Во многом потому, что наш флот активно присутствовал в мировом океане и был сопоставим с сильнейшими флотами мира. Недаром создатель советского флота адмирал С. Г. Горшков написал фундаментальную книгу, которая по своему смыслу весьма напоминала труд американского адмирала Мэхэна – «Морская мощь государства».

Главная характеристика современного мира – глобальность происходящих в нем процессов. Все взаимосвязано, одно вытекает из другого. Остаться в стороне практически невозможно.

Геополитика – вот слово, которое объясняет многие происходящие события.

А перед вами ее самый первый учебник...

ВВЕДЕНИЕ

История морского могущества есть в значительной степени, хотя и не исключительно, повествование о состязаниях между нациями, о соперничестве между ними, о насилии, часто приводящем к войне. Глубокое влияние морской торговли на богатство и силу государств стало ясным задолго до того, как были открыты истинные законы, управляющие ее ростом и процветанием. Чтобы обеспечить своим народам несоразмерную долю благ морской торговли, правительства не жалели никаких усилий, стараясь помешать участию в ней других наций как путем мирных законодательных мер (монополии, запретительные правила), так и путем прямого насилия, когда эти меры не приводили к цели. Столкновение интересов, раздражение, порождавшееся попытками добиться большей доли в выгодах морской торговли, если не захватить ее полностью, приводили к войнам. С другой стороны, ход и результаты войн, возникавших из других причин, значительно видоизменялись контролем над морем. Поэтому история морской силы, обнимая, в широком смысле, все, что помогает нации сделать-ся великой на море или через посредство моря, является в значительной мере военной историей; именно с этой точки зрения (главным образом, хотя и не исключительно) история морской силы и будет изучаться в нашей работе.

Исследование военной истории прошлого, каким является и этот труд, рекомендуется великими полководцами как существенное средство для воспитания правильных представлений о войне и для искусного ведения ее в будущем. Наполеон называет между кампаниями, которые следует изучать солдату, стремящемуся выдвинуться, войны Александра, Ганнибала и

Цезаря, коим порох был неизвестен; и профессиональные писатели, в общем, сходятся на том, что если многие из условий войны изменяются с прогрессом в орудиях ее, то в школе истории имеются некоторые уроки, которые остаются постоянными и, имея поэтому универсальное приложение, могут быть возведены в общие принципы. Изучение морской истории прошлого является поучительным еще и потому, что оно иллюстрирует общие принципы морской войны, независимо от больших перемен в орудиях ведения ее, порожденных научными успехами последнего полувека и применением пара как движущей силы.

Таким образом, вдвойне необходимо критически изучать историю и опыт морской войны в дни парусных судов, ибо из них можно извлечь уроки, имеющие значение и для настоящего, тогда как паровые суда не имеют еще такой истории, уроки которой можно было бы считать принципиальными. О флоте парусном мы имеем много экспериментальных данных; о флоте паровом – почти никаких. Теории о морской войне будущего поэтому почти всецело гадательны; и хотя сделана была попытка подвести под них более солидный базис, опираясь на сходство между флотами паровыми и флотами галерными, двигавшимися под веслами и имеющими продолжительную и хорошо известную историю, все-таки полезно не увлекаться этой аналогией, пока она не будет окончательно проверена. Сходство это, в самом деле, далеко не поверхностное. Черта, общая галерам и паровым судам, – это способность двигаться в любом направлении независимо от ветра. Та же способность создает радикальное различие между названными двумя классами судов и судами парусными; ибо последние имеют перед собой ограниченный выбор курсов, когда ветер дует, и должны оставаться неподвижными, когда его нет. Но если полезно искать аналогии, то разумно иметь при этом в виду и то, что делает эти аналогии неполными; потому что, когда воображение увлекается открытием сходных черт (а это одно из самых

приятных занятий для ума), то любое расхождение только что открытых параллелей становится для него настолько нетерпимым, что оно может пренебречь им и даже отказаться признать его существование. Таким образом галера и паровое судно имеют одну общую характерную черту, хотя она присуща им и не в равной степени; но по крайней мере в двух пунктах они существенно различаются между собой и при обращении к истории галер за уроками для поведения военных паровых кораблей различие между ними надо иметь в виду столько же, сколько и сходство, ибо иначе могут быть сделаны ложные выводы. Движущая сила галер во время ее действия быстро и неизбежно ослабевала, потому что человек не мог долго выдерживать столь напряженные усилия; поэтому тактические маневры галер могли продолжаться лишь ограниченное время^[1]; кроме того, в галерный период действительность наступательного оружия ограничивалась не только близкой, но даже почти исключительно абордажной дистанцией. Эти два условия по необходимости приводили к взаимному стремлению противных сторон атаковать одна другую вплотную, не отказываясь, однако, от искусных попыток обойти или разделить неприятеля – попыток, которые, впрочем, заканчивались рукопашными схватками (*mêlées*). В таком столкновении и в такой схватке, в которой, как показывает история, трудно отличить друга от врага, большое число почтенных, даже выдающихся морских авторитетов нашего времени видит неизбежный результат применения современного морского оружия. Какова бы ни оказывалась цена такого мнения, последнее не может претендовать на исторический базис, раз опорой его служит один только факт, что галера и паровое судно всегда могут идти прямо на неприятеля и снабжены тараном на носу (вышеуказанными различиями сторонники этого мнения пренебрегают). До сих пор эти соображения суть только догадки, окончательное суждение о которых можно отложить до того времени, когда опыт сражений бросит свет на это дело. Пока же есть основание для противоположного взгляда, предпола-

гающего, что такие *mêlées* (схватки) между численно равными флотами, в которых значение морского искусства сводится к минимуму, не являются наилучшим применением для сложного мощного оружия нашего века. Чем увереннее в себе адмирал, чем выше тактическая выучка его флота, чем лучше его капитаны, тем менее должен он стремиться сойтись в *mêlées* с равными силами, ибо в таком случае все его преимущества исчезают, случай занимает главенствующее место и флот его ставится в одинаковые условия со сборищем кораблей, никогда ранее не действовавших вместе^[2]: история позволяет судить о том, когда *mêlées* целесообразны и когда нет.

Итак, галера имеет одно поразительное сходство с пароходом, но отличается от него другими важными чертами, которые не столь заметны и потому реже принимаются в расчет. В парусных судах, напротив, бросается в глаза резкое отличие от более современных судов; сходные же черты, хотя они существуют и легко могут быть найдены, не так очевидны, и поэтому на них обращается меньше внимания. Это впечатление различия увеличивается сознанием крайней слабости парусных судов, сравнительно с паровыми, обусловленной зависимостью первых от ветра; при этом забывают, что поскольку парусные суда сражались с равными себе, тактические уроки их сражений ценны и для нашего времени. Галера никогда не приводилась в беспомощное состояние штилем, и поэтому в наши дни к ней относятся как будто с бóльшим почтением, чем к парусному судну; все же последнее заменило первую и осталось господствующим до дней пара. Способность вредить неприятелю с большего расстояния; маневрировать в течение неограниченного времени, не утомляя людей; использовать большую часть команды для обслуживания наступательного оружия, а не весел, – присущи одинаково как парусному судну, так и пароходу, и по крайней мере столь же важны в тактическом смысле, как и способность галеры передвигаться в штиль или против ветра.

При рассмотрении сходных черт возникает желание не только пренебречь различиями между парусным и паровым судами, но и преувеличить сходство, т. е. дать волю воображению. Так, можно указать, что подобно тому, как парусное судно имело дальнобойные орудия, снаряды которых обладали сравнительно большой пробивной силой, и карронады, характеризовавшиеся меньшею дальностью выстрела, но большею разрушительностью действия, так и современное паровое судно имеет батареи дальнобойных орудий и торпедные аппараты, причем последние могут применяться только на ограниченной дистанции и оказывают разрушительное действие, тогда как артиллерийские снаряды, как и в старину, отличаются своей пробивной силой. Все эти соображения чисто тактические и должны влиять на планы адмиралов и капитанов; аналогия эта действительная, а не притянутая за волосы. Далее, оба корабля, парусный и паровой, при известных обстоятельствах, рассчитывают на прямое столкновение с неприятельским кораблем – первый для абордирования его, последний для потопления его тараном; и для обоих эта задача является самой трудной, ибо для выполнения ее судно должно быть приведено в определенный пункт, тогда как метательными орудиями можно пользоваться со многих пунктов обширной площади.

Взаимные положения парусных судов или флотов по отношению к направлению ветра всегда являлись важнейшими тактическими вопросами и составляли, может быть, главную заботу моряков того времени. На первый взгляд может показаться, что так как вопрос о положении относительно ветра совершенно безразличен для парохода, то в современных условиях нельзя найти аналогии с указанным положением, и уроки истории в этом отношении не имеют значения. Но более тщательное обсуждение характерных черт наветренного^[3] и подветренного положений, имеющее в виду сущность дела, а не детали его, покажет, что это ошибка. Отличительная черта наветренного положения состоит в том, что занимавший его ко-

рабль или флот обладал возможностью, по желанию, отказаться от сражения или дать его, что, в свою очередь, позволило им занять наступательное положение при выборе метода атаки. Это преимущество сопровождалось и некоторыми невыгодами, как то: неправильность боевой линии, подверженность атакующего продольному или анфиладному огню противника и необходимость для него пожертвовать огнем части или даже всех своих орудий при сближении с этим противником.

Подветренный корабль или флот не мог атаковать противника; если такой корабль или флот не желал ретироваться, то ему приходилось переходить к обороне и принимать сражение на условиях неприятеля. Эта невыгода вознаграждалась сравнительной легкостью сохранения боевой линии и непрерывностью артиллерийского огня, отвечать на который неприятель в течение некоторого времени лишался возможности.

Исторически эти благоприятные и неблагоприятные черты имеют свои аналогии в оборонительных и наступательных операциях всех веков. Наступление предполагает известный риск и невыгоды, на которые идут, чтобы настигнуть и уничтожить неприятеля; оборона, пока она остается таковою, отказывается от риска наступления, держится за тщательно выбранные позиции и пользуется положением, в которое ставит себя нападающий. Эти радикальные различия между наветренным и подветренным положениями так ясно просвечивали всегда сквозь облако сопровождавших их второстепенных деталей, что первое положение обыкновенно избиралось англичанами, потому что они руководствовались настойчивой и твердой политикой нападать на неприятеля и уничтожать его; французы же искали подветренного положения, потому что, поступая так, они обыкновенно могли с помощью артиллерии ослабить неприятеля при приближении его и, таким образом, избежать решительного столкновения и спасти свои суда. Французы, за редкими исключениями, подчиняли действия флота другим военным соображениям, жалели затраченных на него денег и

поэтому старались «экономить» его, занимая оборонительное положение и ограничивая действия флота отражением атак. Подветренное положение, при искусном пользовании им, неизменно оказывалось замечательно приспособленным для этой цели, до тех пор, пока неприятель обнаруживал более мужества, чем расчетливости; но когда Родней выказал намерение воспользоваться преимуществом наветренного положения не только для атаки, но и для сосредоточения своих кораблей против части неприятельской линии, то его осторожный противник де Гишен (de Guichen) изменил свою тактику. В первом из трех сражений французы занимали подветренное положение; но, поняв цель Роднея, он стал маневрировать, пытаясь выйти на ветер, – не для того, чтобы атаковать неприятеля, а затем, чтобы не принимать сражения иначе, как при условиях, намеченных им самим. Способность флота предпринять наступление или отказаться от сражения зависит теперь уже не от положения его относительно ветра, а от превосходства его в скорости; это превосходство, в свою очередь, не опирается только на скорость отдельных кораблей, а зависит и от тактического единообразия их действий. Таким образом более быстрые корабли имеют возможность занять наветренное положение.

Не тщетно поэтому, как думают многие, полагать, что в истории парусных судов, так же как в истории галер, можно найти полезные уроки. Обе категории судов имеют черты сходства с современными судами; но они все же отличаются от них настолько существенно, что невозможно приписывать их опыту и образу действий значение тактических прецедентов, которым следует подражать. Но прецедент отличается от принципа и имеет меньшую ценность, чем последний. Первый может быть ошибочным с самого начала или может потерять свое значение при перемене обстоятельств; последний коренится в самой природе вещей, и как бы ни были различны его приложения при перемене обстоятельств, он остается тем

стандартом, которого надо держаться для достижения успеха. Война имеет такие принципы; их существование раскрывается изучением прошлого, которое доказывает неизменность их от века до века в истории успехов и неудач. Условия и виды оружия меняются; но для того, чтобы преодолевать одни и успешно управлять другими, нужно с почтением относиться к постоянным наставлениям истории в области тактики на поле сражения и в той, более широкой области военных операций, которая называется «стратегией».

И именно в этих, более широких операциях, которые охватывают целый театр войны и в морском конфликте могут распространиться на большую часть земного шара, уроки истории имеют более очевидное и постоянное значение, потому что условия остаются здесь более постоянными. Театр войны может быть более или менее обширным, трудности, которые он представляет, – более или менее очевидными, сражающиеся армии – более или менее многочисленными, проведение необходимых маневров – более или менее легким, но эти различия суть различия в масштабе или в степени, а не в сущности дела. По мере того как дикость уступает место цивилизации, развиваются средства сообщения, через реки перебрасываются мосты, увеличиваются продовольственные ресурсы, военные операции облегчаются, ускоряются и делаются более обширными; но принципы войны, с которыми они должны сообразоваться, остаются неизменными. Когда передвижение пешком сменилось переброской войск в повозках, когда эта последняя в свою очередь сменилась железнодорожными перевозками, – масштаб расстояний увеличился, или, если хотите, масштаб времени уменьшился; но принципы, которые определяли пункт, где армии надлежало собраться; пункт неприятельских позиций, который следовало атаковать; необходимость защиты коммуникации и т. п. – не изменились. Так же и на море переход от галеры робко пробиравшейся из порта в порт к парусному судну, смело пускавшемуся в плавание на край света,

а от него к современному паровому судну, увеличил район и быстроту морских операций, не вызвав необходимости в изменении принципов, ими управлявших. И вышецитированная речь Гермократа, произнесенная двадцать три столетия назад, выражала правильный стратегический план, который в своих принципах также приложим к делу теперь, как был приложим тогда. Прежде чем враждебные армии и флоты приходят в соприкосновение (контакт), – слово, которое, быть может лучше чем всякое другое, указывает грань между тактикой и стратегией, – необходимо еще решить большое число вопросов, обнимающих весь план операций на всем театре войны. Между ними находятся: определение настоящей функции флота и истинного объекта его действий; пункт или пункты, где он должен быть сосредоточен, учреждение складов угля и продовольствия; обеспечение сообщения между этими складами и отечественной базой; определение военного значения борьбы против торговли, как решительной или второстепенной операции войны; выбор системы, с помощью которой уничтожение торговли противника может быть достигнуто (действия отдельных крейсеров или удержание большими силами какого-либо жизненно важного пункта, через который должно проходить судоходство неприятеля). Все это – стратегические вопросы, и по поводу каждого из них история может сказать многое.

Недавно в английских морских кругах прошла интересная дискуссия о сравнительных достоинствах политики двух английских адмиралов, лорда Гоу (Howe) и лорда С. Винчен-та, по отношению к диспозиции английского флота в войне с Францией. Вопрос этот чисто стратегический и имеет не только исторический интерес: сейчас он имеет жизненное значение; и принципы, на которых покоится его решение, теперь те же, что были и тогда. Политика С. Винчен-та спасла Англию от вторжения и в руках Нельсона и его собратьев-адмиралов привела прямо к Трафальгару.

Итак, особенно в области морской стратегии, значение уроков прошлого отнюдь не ослабевает со временем. Они полезны здесь не только как иллюстрации принципов, но и как прецеденты, в силу сравнительного постоянства условий. Это не столь верно по отношению к тактике, т. е. к действию флотов с того момента, когда они приходят в столкновение в том месте, куда их привели стратегические соображения. С непрерывным прогрессом человечества совершаются и постоянные перемены в оружии, а последние влекут за собой и перемены в способах сражения, в диспозиции и образе действий войск или кораблей на поле сражения. Отсюда у многих лиц, занимающихся морскими вопросами, возникает стремление думать, что из изучения опыта прошлого не может быть извлечено никакой выгоды и что такое изучение равносильно простой потере времени. Это мнение, хотя и естественное, не только упускает из виду те широкие стратегические соображения, которые заставляют нации содержать флоты, определяя сферу их действий, и таким образом влиять на историю мира, но является узким и односторонним даже с тактической точки зрения. Сражения прошлого сопровождалось успехом или неудачей, сообразно тому, происходили ли они в соответствии с принципами войны или нет; и моряк, который тщательно изучает причины успеха или неудачи, не только открывает и постепенно осваивает эти принципы, но также приобретает прогрессирующую способность прилагать их к тактическому использованию судов и оружия его собственного времени. Он заметит также, что перемены в тактике не только имеют место после перемен в оружии (это неизбежно), но что промежутки между такими переменами несообразно велики. Это несомненно происходит от того, что усовершенствования в оружии вызваны энергией одного или двух человек, тогда как перемены в тактике должны преодолеть инертность целого консервативного сословия; но такая инертность есть большое зло. Оно может быть излечено только открытым признанием каждой переме-

ны, тщательным изучением возможностей и недостатков нового корабля или оружия и последующим приспособлением метода пользования ими к качествам, которыми они обладают, что и определит его тактику. История указывает на тщетность надежды, что военные люди, в массе своей, будут стараться сделать это, но что тот из них, кто поступит так, выйдет на бой с большим преимуществом, – урок сам по себе немаловажный!

Мы можем поэтому привести теперь слова французского тактика Морога (Morogues), написанные столетие с четвертью назад: «Морская тактика основана на условиях, главные причины которых, а именно оружие, могут изменяться; это, в свою очередь, по необходимости производит перемену в конструкции кораблей, в способе управления ими и, наконец, в управлении флотами и в их диспозиции». Его дальнейшее положение, что «тактика не есть наука, основанная на принципах абсолютно неизменных», более подвержено критике. Было бы более правильно сказать, что приложение ее принципов изменяется с переменой оружия. Приложение принципов, без сомнения, изменяется от времени до времени также и в стратегии, но там изменение это гораздо менее значительно, а потому и распознавание лежащего в основе его принципа легче. Это положение достаточно важно для нашего предмета, чтобы мы проиллюстрировали его историческими событиями.

Сражение у устья Нила в 1798 г. было не только решительной победой англичан над французским флотом, но имело также важнейшим следствием своим прекращение сообщения между Францией и армией Наполеона в Египте. В этом сражении английский адмирал Нельсон дал в высшей степени блестящий пример тактики, понимая под последней «искусство проводить хорошие комбинации как перед сражением, так и в ходе его». Данная тактическая комбинация была основана на условии, не могущем иметь место теперь, а именно на невозможности для подветренных кораблей флота, стоявшего на якоре, прийти на помощь наветренным, прежде чем последние

были уничтожены; но принцип, лежавший в основе этой комбинации, а именно атака превосходными силами той части неприятельского строя, оказание помощи которой было наименее возможно, не потерял своего значения. Действия адмирала Джервиса (Jervis) при мысе С.-Винцент, когда пятнадцать его кораблей одержали победу над двадцатью семью, определялись именно этим принципом, хотя в этом случае неприятель был на ходу, а не на якоре. Но умы людей так устроены, что на них, кажется, производит большее впечатление быстрое изменение условий, чем тот бессмертный принцип, который позволил справиться с ними.

Напротив, в стратегическом влиянии победы Нельсона на ход войны принцип, лежавший в основе его образа действий, распознается легче, и он даже может быть прямо приложен к военно-морским операциям наших дней. Исход египетского похода зависел от обеспечения свободы сообщения с Францией. Победа у устья Нила уничтожила морскую силу, которая только и могла обеспечить эту свободу сообщений и предопределила окончательную неудачу всего похода; в данном случае ясно видно не только то, что удар был нанесен в согласии с принципом поражения коммуникационной линии неприятеля, но что этот принцип действует и теперь, во времена парового флота, как действовал он в эпоху галер и парусных флотов.

Несмотря на это, чувство некоторого презрения к прошлому, считающемуся обветшалым, вместе с врожденной беспечностью делает людей слепыми даже к тем неизменным стратегическим урокам, которые лежат на поверхности морской истории. Например, многие ли смотрят на Трафальгарское сражение, венец славы Нельсона и апофеоз его гения, иначе, чем как на отдельное событие исключительного величия? Многие ли задают себе стратегический вопрос: «Каким образом суда его оказались именно там?» Многие ли рассматривают это сражение, как конечный акт большой стратегической драмы, растянувшейся более чем на год, — драмы, в которой столкну-

лись двое величайших вождей всех времен, Наполеон и Нельсон? При Трафальгаре не Вильнев потерпел неудачу, а Наполеон был побежден; не Нельсон выиграл сражение, а Англия была спасена. И почему? Потому, что комбинации Наполеона не удались, а интуиция и энергия Нельсона всегда держали английский флот на следе неприятеля и привели его в решительный момент к месту победы^[4]. Тактика Нельсона при Трафальгаре, хотя и подлежащая критике в деталях, в своих главных чертах была согласна с принципами войны, а смелость ее оправдывалась столько же исключительностью случая, сколько и результатами; но великие уроки эффективной подготовки, активного и энергичного проведения операций, заключавшиеся в обдуманных и дальновидных действиях английского флотоводца в предшествующие месяцы, являются уроками стратегическими и, как таковые, остаются ценными и поныне.

В рассмотренных двух случаях события были доведены до их естественного и решительного конца. Теперь может быть приведен третий случай, который не был доведен до какого-либо определенного конца; мнение о том, что следовало бы сделать в этом случае, может стать предметом дискуссии. В войне за независимость США Франция и Испания заключили в 1779 г. союз против Англии. Соединенные флоты трижды появлялись в Английском канале, один раз в числе шестидесяти шести линейных кораблей, принудив значительно слабейшие флоты Англии искать убежища в своих портах. Главными целями Испании было возвращение Гибралтара и Ямайки; и для достижения первой из них союзниками были употреблены огромные усилия при осаде этой почти неприступной крепости с моря и с суши. Усилия эти оказались тщетными. По этому поводу является вопрос характера уже чисто стратегического: не было ли бы возвращение Гибралтара, скорее, обеспечено контролируванием Английского канала, нападением на британский флот даже в его гаванях и угрозой уничтожения английской торговли и вторжения на английскую территорию,

чем гораздо более трудными действиями против сильно укрепленного и отдаленного пункта английских владений? Англичане издавна были особенно чувствительны к опасности вторжения, и насколько велико было всегда их доверие к своему флоту, настолько же упали бы они духом, если бы это доверие было серьезно поколеблено.

Но каково бы ни было решение, со стратегической точки зрения вопрос этот вполне допустим, и он предлагался в другой форме французским офицером того времени, рекомендовавшим направить усилия на какой-нибудь остров в Вест-Индии, который можно было бы обменять на Гибралтар. Однако невероятно, чтобы Англия отдала ключ от Средиземного моря за какое-либо другое заморское владение, хотя она могла уступить его для спасения своих очагов и своей столицы. Наполеон однажды сказал, что он отвоюет Пондишери на берегах Вислы. Если бы он контролировал Английский канал, как мог делать это одно время союзный флот в 1779 г., то можно ли сомневаться в том, что он завоевал бы Гибралтар на берегах Англии?

Чтобы подчеркнуть правильность нашего утверждения, что история внушает стремление к стратегическим исследованиям и иллюстрирует принципы войны фактами, которые она передает, возьмем еще два примера, относящиеся к эпохе более отдаленной, чем рассматриваемая в настоящем труде. Как случилось, что в двух больших конфликтах между державами Востока и Запада на Средиземном море, в одном из которых было поставлено на карту господство над известным тогда миром, враждебные флоты встретились в местах, расположенных столь близко друг к другу, как Акцииум и Лепанто? Было ли это случайным совпадением, или это обстоятельство обусловлено сочетанием условий, которое повторилось в прошлом и еще может повториться в будущем?^[5] В последнем случае стоит заняться изучением причин этого явления, ибо если на Востоке опять когда-нибудь возникнет морская сила, подобная силе Антония или Турции, то стратегические вопро-

сы прошлого могут встать вновь. В настоящее время кажется, что центр морской силы, сосредоточившейся главным образом в Англии и Франции, лежит определенно на Западе, но если бы какой-нибудь случай прибавил к контролю над Черноморским бассейном, находящимся теперь в руках России, обладание входом в Средиземное море, то нынешние стратегические условия, влияющие на морскую силу, совсем изменились бы. Теперь, если бы Запад выступил против Востока, то флоты Англии и Франции сразу пришли бы к берегам Леванта, не встретив никакого сопротивления, как они сделали это в 1854 г. и как сделала одна Англия в 1878 г.; в случае же предполагаемой выше перемены Восток, как это уже случилось дважды в прошлом, встретил бы Запад на полпути.

В весьма важный и значительный период мировой истории морская сила имела стратегическое влияние и вес, которые, однако, почти не были осознаны. Теперь невозможно получить подробную информацию, необходимую для того, чтобы проследить в деталях ее влияние на исход второй Пунической войны; но оставшихся от того времени данных все-таки достаточно для того, чтобы гарантировать справедливость утверждения, что упомянутая сила была решающим фактором. Точное суждение по этому вопросу не может быть составлено на основании изучения тех событий этой борьбы, которые ясно переданы древними историками, ибо, как всегда, история отнеслась к морским операциям пренебрежительно. Необходимо также знакомство с общей морской историей, чтобы из незначительных указаний можно было извлечь правильные заключения, основанные на знании того, что было возможно в периоды, история которых хорошо известна. Господство над морем, как бы оно ни было действительно, не дает ручательства в том, что единичные корабли неприятеля или малые эскадры его не смогут выбраться из порта, пересечь более или менее оживленные океанские пути, совершить нападения на незащищенные пункты длинной береговой линии и

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НИКОЛАЯ СТАРИКОВА. ЭТА КНИГА ПОМОЖЕТ ВАМ ПОНЯТЬ СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИКУ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА I. ЭЛЕМЕНТЫ МОРСКОГО МОГУЩЕСТВА.....	35
ГЛАВА II. Состояние Европы в 1660 г. – ВТОРАЯ АНГЛО-ГОЛЛАНДСКАЯ ВОЙНА (1665–1667). – МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ: ПРИ ЛОУСТОФТЕ (LOWESTOFT) И ЧЕТЫРЕХДНЕВНОЕ	113
ГЛАВА III. Война блока Англии и Франции ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ (1672–1674). – ВОЙНА ФРАНЦИИ ПРОТИВ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ (1674–1678). – МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ ПРИ СОЛЕБЕЕ (SOLEBAY), ТЕКСЕЛЕ (TEXEL) И СТРОМБОЛИ	171
ГЛАВА IV. Английская революция. – ВОЙНА АУГСБУРГСКОЙ ЛИГИ (1688– 1697). – МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ ПРИ БИЧИ-ХЭДЕ (BEACHY HEAD) И ПРИ ЛЯ ХУГЕ (LA HOUGUE)	210
ГЛАВА V. Война за испанское наследство (1702–1713). – МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ ПРИ МАЛАГЕ.....	241
ГЛАВА VI. РЕГЕНТСТВО ВО ФРАНЦИИ. – АЛЬБЕРОНИ В ИСПАНИИ. – ПОЛИТИКА ВАЛЬПОЛЯ И ФЛЕРИ. – ВОЙНА ЗА ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО. – АНГЛИЙСКАЯ КОНТРАБАНДНАЯ ТОРГОВЛЯ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ. – ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ ИСПАНИИ. – 1715–1739 ГГ. ...	276
ГЛАВА VII. Война между Великобританией и Испанией (1739). – ВОЙНА ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО (1740). – ФРАНЦИЯ СОЕДИНЯЕТСЯ С ИСПАНИЕЙ ПРОТИВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1744). – МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ МЭТТЬЮЗА (MATTHEWS), АНСОНА (ANSON) И ГАУКЕ. – ААХЕНСКИЙ МИР (1748)	300

ГЛАВА VIII. СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1756–1763).	
– Подавляющая сила Англии и завоевания ее на морях, в Северной Америке, Европе и в Ост- и Вест-Индии.	
– Морские сражения: Бинга (BYNG) при Менорке, Гауке и Конфланса (CONFANS), Покока и Д'Аше (РОСОК AND D'ASNE) в Ост-Индии	332
ГЛАВА IX. Ход событий от Парижского мира до 1778 г.	
– Морская война, последовавшая за Американской революцией.	
– Морское сражение при Уэссане (USHANT)	388
ГЛАВА X. Морская война в Северной Америке и Вест-Индии (1778 – 1781). – Ее влияние на ход Американской революции. – Морские сражения при Гренаде, Доминике и в Чезапикской бухте	419
ГЛАВА XI. Морская война в Европе (1779–1782).....	467
ГЛАВА XII. События в Ост-Индии (1778–1781).	
– Сюффрен отплывает из Бреста (1781).	
– Его блестящая морская кампания в Индийских морях. 1782 и 1783 гг.	486
ГЛАВА XIII. События в Вест-Индии после взятия Йорктауна.	
– Столкновение де Грасса с Гудом. – Морское сражение у островов Святых (SAINTS). – 1781–1782 гг.....	541
ГЛАВА XIV. КРИТИЧЕСКИЙ РАЗБОР МОРСКОЙ ВОЙНЫ 1778 Г.	582
ПРИЛОЖЕНИЕ. КАРТЫ	623
ПРИМЕЧАНИЯ.....	637

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Альфред Мэхэн

ВЛИЯНИЕ
МОРСКОЙ СИЛЫ
НА ИСТОРИЮ

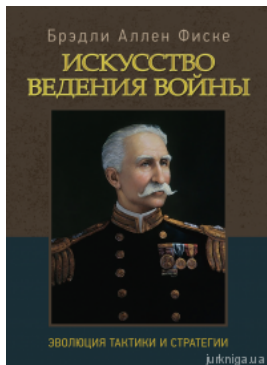
(Російською мовою)

Підписано до друку 24.04.2023 р. Формат 60x84 1/16.
Друк цифровий. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 42,15. Тираж 300 прим.

Видавничий дім «СВАРОГ»
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

Книги, які можуть вас зацікавити

Искусство ведения войны. Эволюция тактики и стратегии

Путь к империи

Ускоренная тактическая подготовка. Методика обучения. Книга врага ворожою мовою

Самооборона в ближньому бою. Міська тактика для цивільних, правоохоронців та військових

Військові операції: оперативне мистецтво та військові дисципліни

Міни як вони є. Довідник по мінній безпеці. Частина перша

Перейти до галузі права
Військове право

[Перейти на сайт](#) →